

На правах рукописи

ЖУРАВЛЕВА Алена Владимировна

**ФЕНОМЕН ЭСХАТОЛОГИЧЕСКОЙ
ЭТИКИ К. Н. ЛЕОНТЬЕВА**

Специальность 09.00.05 – Этика

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Иваново 2017

Работа выполнена на кафедре культурологии и литературы ФГБОУ ВО
«Ивановский государственный университет», Шуйский филиал

Научный руководитель: **ВАРАВА ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ**
доктор философских наук, профессор

Официальные оппоненты: **НАЗАРОВ ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ**
доктор философских наук, профессор, ФГБОУ ВО
«Тульский государственный педагогический университет
им. Л.Н. Толстого», кафедра философии и культурологии,
профессор-консультант

БУЛАНОВ ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ
кандидат философских наук, доцент, ФГБОУ ВО
«Тверской государственный медицинский университет»
Министерства здравоохранения РФ, кафедра философии и
психологии с курсами биоэтики и истории Отечества,
доцент кафедры

Ведущая организация: **ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет»**

Защита диссертации состоится «27» декабря 2017 г. в «__» часов на заседании Диссертационного совета Д 212.062.08 при ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет» по адресу: 155908, г. Шуя, Ивановской области, ул. Кооперативная, 24, ауд. 220.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет», по адресу: 153025, г. Иваново, ул. Ермака, 37/7, корпус № 1, к. 108., и на официальном сайте университета: ivanovo.ac.ru.

Автореферат разослан: «__» ноября 2017 года

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат культурологии, доцент

М. Ю. Алексеева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Современные исследования отечественной философии входят в новую фазу реконструкции ее глубинных смыслов на «клеточном уровне». Сегодня очевидно, что русская философская культура представляет собой не эпифеномен европейской философии, но полнозвучный аккорд в мировой философской мысли. В этом контексте важной работой является дальнейшее более глубокое изучение наследия тех мыслителей, которые определяют «дух и стиль» отечественной философской традиции, своеобразие которой определяется особой близостью к предельным нравственным вопрошаниям.

Одной из таких фигур, с нашей точки зрения, является Константин Николаевич Леонтьев, неослабевающий интерес к которому служит наиболее ярким показателем глубины и самобытности его философских исканий. При этом, как отмечает исследователь его творчества О. Л. Фетисенко: «Чаще всего к Леонтьеву обращаются политики, социологи, культурологи»¹. Как это ни парадоксально, эту ныне очень популярную фигуру менее всего воспринимают как философа, тем более как философа-этика.

Действительно, большинство исследований творчества К. Н. Леонтьева проходят по линии его политических воззрений в контексте философии консерватизма. К тому же сформировавшийся образ К. Н. Леонтьева как «русского Ницше», то есть рафинированного эстета и сторонника радикального аморализма вычеркивает его из традиций отечественного философского этикоцентризма, что в корне не верно. Распространенные оценки К. Н. Леонтьева как «эстетического аморалиста» и «трансцендентного эгоиста» не улавливают глубины и своеобразия его нравственных исканий, которые, как нам представляется, получают наиболее адекватную трактовку в терминах «эсхатологической этики», основные черты которой разработаны Н. А. Бердяевым в книге «О назначении человека. Опыт парадоксальной этики».

Почему вообще важно обращение к этическим взглядам К. Н. Леонтьева? Не являются ли иные – политические, социологические, культурологические ракурсы исследования творчества философа более значимыми, востребованными, интересными, в конечном счете? В ответе на этот вопрос мы обращаемся к выдающемуся мыслителю XX века Альберту Швейцеру: «История этической мысли – наиболее глубинный слой всемирной истории. Среди сил, формирующих действительность, нравственность является первой. Она – решающее знание, которое мы должны отвоевать у мышления. Все остальное более или менее второстепенно»².

¹ Фетисенко О.Л. «Гептастилисты»: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики: (Идеи русского консерватизма в литературно-художественных и публицистических практиках второй половины XIX – первой четверти XX века). СПб., 2012. С. 14.

² Швейцер. А. Благоговение перед жизнью. М., 1992. С. 103.

«Отвоевать» нравственность у К. Н. Леонтьева - стратегическая задача данного диссертационного исследования. Очевидно, что у такого мыслителя как Леонтьев не могут отсутствовать полноценные этические воззрения. Утонченный интеллект, человек широких политических воззрений, обладающий изысканным художественным вкусом и провидческим даром, по определению не может быть беден по части этики. В случае с Леонтьевым правильнее говорить не об отсутствии этики, а о глубочайшем своеобразии этического начала, которое определяется многими факторами, в том числе известным *принципом византизма*. Дело в том, что этот принцип, как правило, ассоциируется с церковно-государственным устройством Византии, в то время как он имеет множество измерений, среди которых этическое имеет большую значимость.

По поводу этических воззрений К. Н. Леонтьева среди классиков истории русской философии сформировались, по крайней мере, две противоположные точки зрения. *Точка зрения «contra»* достаточно резко и однозначно озвучена прот. Георгием Флоровским, который в «Пути русского богословия» писал про Леонтьева, что «У него точно не было врожденного морального инстинкта, его как то не тревожил никогда категорический императив «нравственного закона»»³. Эта позиция, по сути отрицающая моральное начало в построениях Леонтьева, создает определенную трудность в плане практической применимости идей К. Н. Леонтьева. Так, В. Ю. Катасонов пишет, что «...наиболее парадоксальной и спорной является та часть «натуралистической социологии» К. Н. Леонтьева, которая касается вопроса применимости норм морали в социальной и политической жизни»⁴. Но это скорее не отрицание морального фактора в философии Леонтьева, сколько указание на неоднозначность и, соответственно, глубину нравственных исканий философа.

Точка зрения «pro», по нашему мнению, более взвешенная, убедительная и справедливая высказана прот. Василием Зеньковским в его «Истории русской философии»: «Леонтьев гораздо более моралист, чем эстетизирующий мыслитель». Это происходит из-за того, что для Леонтьева, считает Зеньковский, «моральная правда» состояла в том, «...чтобы осуществить в жизни и в истории таинственную волю Божию»⁵.

Эта оценка В. В. Зеньковского, данная К. Н. Леонтьеву, является определяющей для нашего исследования, поскольку содержит в себе мощный эвристический посыл, позволяющий раскрывать многомерность нравственного мира Константина Леонтьева, что делает его не только выдающимся русским философом, но философом, который принадлежит к корневой этикоцентричной традиции русской мысли.

³ Флоровский Г. прот. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991. С. 304.

⁴ Катасонов В.Ю. Социология Константина Леонтьева // Православное понимание общества. М., 2015. С. 264.

⁵ Зеньковский В.В. История русской философии. Л., 1991. Т. 1. Часть 2. С. 260.

Мы полагаем, что особое место в *русской эсхатологической этике* принадлежит оппоненту, если не антиподу Достоевского, глубокому и оригинальному философу К. Н. Леонтьеву. У него имеются содержательные воззрения именно нравственного характера, делающие его одним из ярчайших представителей русской этикоцентричной философии. Исследование этого пласта философского наследия К. Н. Леонтьева и составляет главную актуальность избранной темы.

Степень разработанности. Интерес к философскому наследию оригинального русского мыслителя К. Н. Леонтьева сегодня необычайно высок. На наших глазах происходит восстановление исторической справедливости по отношению к одному из виднейших представителей русской философской культуры. Неузнанный, непонятый, несвоевременный, непринятый, неизвестный – этот ряд, свидетельствующий о прижизненном положении философа, можно продолжать.

Однако, сегодня положение дел радикально изменилось: большое количество статей⁶, монографий⁷, диссертаций⁸, конференций⁹ посвящены различным аспектам идейного наследия этого незаурядного человека. Творчество К. Н. Леонтьева исследуется философами, историками, филологами, социологами, культурологами, политологами и др. Следует отметить таких исследователей К. Н. Леонтьева как В. А. Котельников, О. Л. Фетисенко, Волкогонова О. Д., Д. М. Володихин, А. В. Репников, А. А. Корольков, К. М. Долгов, Л. Р. Авдеева, С. В. Хатунцев, Д. Е. Муза, В. И. Косик и др., способствовавших воссозданию подлинного облика мыслителя в исторической перспективе.

⁶ Авдеев О.К. Отражение философии пессимизма (Артур Шопенгауэр, Эдуард фон Гартман) в философских концепциях русского консерватизма // Альманах современной науки и образования (2016. № 9); Нижников С.А. История одного спора: Ф. Достоевский и К. Леонтьев о сущности христианства // Вестник РУДН. Серия Философия (2011, №2); Емельянов-Лукьянчиков М.А. Концепция «племенизма» К. Н. Леонтьева в цивилизационной историософии XIX-XX веков // Вопросы истории (2004, №9); Кривенко О.А. Духовный путь личности в повести К. Н. Леонтьева «Дитя души» // Власть (2014, № 2) и т.д.

⁷ Авдеева Л.Р. К.Н. Леонтьев. Пророк или «одинокый мыслитель»? М., 2012; Володихин Д.М. «Высокомерный странник». Философия и жизнь Константина Леонтьева. М., 2000; Хатунцев С.В. Константин Леонтьев: Интеллектуальная биография. 1850-1874 гг. СПб., 2007. Жуков К.А. Восточный вопрос в историософской концепции Н. Н. Леонтьева. СПб., 2006; Волкогонова О.Д. Константин Леонтьев. М., 2013; Муза Д.Е. Константин Николаевич Леонтьев: Личностный миф и драма идей в контексте поиска духовного смысла истории. М., 2015 и др.

⁸ Фетисенко О.Л. «Гептастилисты»: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики (Идеи русского консерватизма в литературно-художественных и публицистических практиках второй половины XIX - первой четверти XX века): дис. . доктор. филол. наук. СПб., 2012; Авдеев О.К. Проблема личности в русском консерватизме: Н.Н. Страхов, К.Н. Леонтьев, П.Е. Астафьев: дис. . канд. философ. наук. М., 2011; Доробжева Т.М. Проблема социокультурного идеала в социально-философских воззрениях К.Н. Леонтьева: Дис. ... канд. филос. наук. М., 1995; Бессчетнова Е.В. Диалог Вл. С. Соловьёва и К.Н. Леонтьева: проблема бытия России: автореф. дис. . кандидата философских наук. М., 2015; Донских К.Ю. Философия и эстетизм в творчестве К.Н. Леонтьева : автореферат дис. ... кандидата философских наук. М., 2012;

⁹ Заочная юбилейная научная конференция, посвященная творчеству русского мыслителя К.Н. Леонтьева // Философское образование. 2006. № 14;

При этом необходимо сказать, что наиболее значительная работа по возрождению творческого наследия К. Н. Леонтьева происходит сегодня преимущественно в контексте *философии консерватизма*¹⁰. Здесь определяющей является политическая и культурологическая реконструкция политических воззрений мыслителя. Это не удивительно, поскольку политические идеи философа относительно исторического бытия России носят большой прогностический характер, актуальный для понимания кризисных процессов современной культуры: «...жизненный и интеллектуальный опыт К. Н. Леонтьева отражает многие из тех проблем, которые актуальны и для сего дня»¹¹.

В этом контексте такие титулы Леонтьева как политический философ», «философ консерватизма» или просто «политический мыслитель» вполне оправданы. Известный польский историк русской мысли А. Валицкий назвал Леонтьева «наиболее оригинальным мыслителем крайне правого крыла в девятнадцатом веке»¹². Представляется, что это наиболее точная и адекватная трактовка Леонтьева как теоретика, соответствующая его политической репутации в интеллектуальной традиции русской мысли.

При этом, мы полагаем, что не совсем справедливо трактовать взгляды К. Н. Леонтьева исключительно в политическом и социологическом контексте, полагая, что его крайне-правые, государственно-монархические и консервативные идеи вполне выражают его духовный облик. В данном случае происходит редукция этики к праву, а философии к политике. Не отрицая всей значимости Леонтьева как политического мыслителя, мы все же считаем, что он является также крупным самобытным философом с ярко выраженной этической доминантой. Для понимания своеобразия этических взглядов К. Н. Леонтьева непреходимо их рассматривать в контексте «эсхатологической этики», границы, сущность и смысл которой наиболее полно раскрыт Н. А. Бердяевым в книге «О назначении человека. Опыт парадоксальной этики».

Следует отметить недостаточное внимание к этической (в своей основе экзистенциальной) составляющей философии Леонтьева, как в классической русской философии, так и в современной. Скорее о Леонтьеве говорили как о «аморалисте», нежели как о создателе оригинальной нравственной философии. Исключение представляет книга Н. А. Бердяева «Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли», в которой он

¹⁰ Репников А.В. К. Леонтьев – философ российского консерватизма // Полис. Политические исследования. 2011. № 3; Минаков А.Ю. Изучение русского консерватизма в современной российской историографии // Тетради по консерватизму. 2015. № 4; Масланов Е.В. Формирование социального идеала в творчестве ранних славянофилов и К.Н. Леонтьева: сравнительный анализ : автореферат дис. ... кандидата философских наук. Н.-Новгород, 2011; Бессчетнова Е.В. Диалог Вл. С. Соловьёва и К.Н. Леонтьева: проблема бытия России : автореф. дис. . кандидата философских. М., 2015 и др.

¹¹ Ионайтис О.Б.С.Н. Булгаков о К.Н. Леонтьеве // Философское образование. 2006. № 14. С. 51.

¹² Валицкий А. Философия права русского либерализма. М., 2012. С. 66.

показал, что Леонтьев «...выясняет истину этического характера»¹³, и «История русской философии» В. В. Зеньковского, в которой целый раздел посвящен этическим взглядам К. Н. Леонтьева, где есть такие примечательные слова: «Странно, что почти никто (кроме Бердяева) не почувствовал *этического пафоса* у Леонтьева»¹⁴.

Современные авторы, как мы уже показали, в основном специализируются на иных (не этических) аспектах творческого наследия философа. Отчасти работы В. Н. Назарова, А. А. Королькова, К. М. Долгова, А. Ф. Сивака затрагивают этот аспект, и покрывают существующую лауну относительно нравственных исканий К. Н. Леонтьева.

В общем потоке многочисленных исследований философского наследия К. Н. Леонтьева отсутствует должное внимание к нравственной стороне его философского наследия. Этим определяется наш интерес к идейным исканиям философа, преимущественно его нравственных воззрений в контексте эсхатологической этики.

Объектом данного исследования является эсхатологическая этика как феномен отечественной философской культуры.

Предметом исследования является философское творчество К. Н. Леонтьева.

Целью настоящей диссертационной работы является анализ феномена «эсхатологической этики» К. Н. Леонтьева, в котором раскрываются наиболее важные мировоззренческие основания, присущие взглядам философа, а также сущностные этикоцентричные характеристики русской философии. Цель исследования достигается путем постановки и решения следующих **задач**:

- 1) Раскрыть сущностные характеристики эсхатологической этики как феномена отечественной философской культуры;
- 2) Рассмотреть феномен этического эсхатологизма К. Н. Леонтьева как синтеза русского пессимизма и трагизма;
- 3) Показать ограниченность трактовок этических воззрений К. Н. Леонтьева в терминах «эстетический аморализм» и «трансцендентный эгоизм»;
- 4) Выявить отличия эсхатологической этики К. Н. Леонтьева от этического пессимизма А. Шопенгауэра;
- 5) Рассмотреть византизм как нравственный идеал разочарования К.Н. Леонтьева;
- 6) Исследовать этическое своеобразие правовой концепции К. Н. Леонтьева;
- 7) Показать место и роль учения К.Н. Леонтьева в современном философском дискурсе.

¹³ Бердяев Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли // К. Н. Леонтьев: pro et contra. Антология. Книга 2. СПб., 1995. С. 93.

¹⁴ Зеньковский В.В. История русской философии. Л., 1991. Т. 1. Часть 2. С. 257.

Методология исследования. Методологической основой диссертационного исследования являются методы этико-философского анализа, а также общенаучные методы и принципы познания. Также в работе применялся системный подход, метод сравнительного анализа, аксиологический метод. С помощью системного подхода удалось рассмотреть феномен эсхатологической этики К. Н. Леонтьева в контексте этикоцентричных традиций русской философии. Сравнительный анализ позволил выявить сходства и различия в воззрениях Н. В. Гоголя, К. Н. Леонтьева и Л. Н. Толстого. Этико-философский анализ способствовал пониманию нравственного значения философских построений К. Н. Леонтьева.

Теоретическая база исследования. Основной теоретической базой исследования, повлиявшей на формирование основной идеи работы, явилось философское наследие К. Н. Леонтьева, а также труды русских философов, посвященных этическим аспектам философии К. Н. Леонтьева (В. В. Зеньковский и Н. А. Бердяев). Кроме этого важным источником при формировании концепции «эсхатологической этики» применительно к нравственным исканиям К. Н. Леонтьева явилась книга Н. А. Бердяева «О назначении человека. Опыт парадоксальной этики». Религиозная философия и богословие явились важнейшим источником работы для прояснения идеи «Страх Божьего». Труды С. С. Аверинцева помогли более глубоко понять принцип «византизма» в традициях классической христианской культуры.

Этические исследования В. Н. Назарова, А. А. Гусейнова, В. П. Фетисова, Н. В. Голик способствовали пониманию этических измерений философии, а также прояснению этической сущности эстетического. Особое место в обосновании фундаментальности этики для жизни и философии принадлежит А. Швейцеру, чья критика пессимизма А. Шопенгауэра была важнейшим теоретическим источником, позволившим освободить воззрения Леонтьева от эпитета «этический пессимист». Важными источниками исследования также явились работы в области литературоведения, филологии, истории, эстетики, которые позволили раскрыть масштабность творческой личности К. Н. Леонтьева (О. Д. Волкогонова, К. М. Долгов, А. А. Корольков, В. А. Котельников, О. Л. Фетисенко, С. В. Хатунцев).

Научная новизна исследования:

- впервые обоснована мысль о принадлежности К. Н. Леонтьева к корневой традиции отечественного философского этикоцентризма;
- впервые раскрыты особенности эсхатологической этики К. Н. Леонтьева, которые отличны от традиционной христианской эсхатологии и связана с глубинной сущностью нравственных вопрошаний русской философии;
- на основании реконструкции этического пласта философского наследия К. Н. Леонтьева показана его глубокая моральная сущность,

которая не позволяет однозначно трактовать его учение в терминах «эстетического аморализма» и «трансцендентного эгоизма»;

- показаны сущностные отличия эсхатологической этики К. Н. Леонтьева, основанного на византийском нравственном идеале разочарования, от этического пессимизма Шопенгауэра, имеющего брахманическую основу;

- проведен сравнительный анализ эсхатологических воззрений Н. В. Гоголя, К. Н. Леонтьева и Л. Н. Толстого, в ходе чего выявились сходства и отличия трех выдающихся представителей отечественной философской культуры XIX века.

Теоретическая значимость диссертации состоит в расширении научных представлений о феномене «эсхатологической этики» в структуре этикоцентричного дискурса отечественной философии, в углублении дальнейших исследований нравственной проблематики русской философии, что позволяет продвинуться в решении вопроса о ее своеобразии. Выводы работы могут иметь продуктивное значение при анализе феномена эсхатологизма в русской философии, литературе и культуре. Диссертационная работа дает возможность с позиций современности вернуться к духовным темам индивидуального и национального бытия, которые были артикулированы К. Н. Леонтьевым.

Практическая значимость данной работы определяется тем, что результаты исследования могут быть использованы в ходе дальнейшего изучения этических особенностей русской философии, при разработке исследовательских и учебно-образовательных программ по этике, истории русской философии, эстетике, литературоведению, культурологии, политологии, а также в преподавании курсов и спецкурсов по «Истории русской этики».

Положения, выносимые на защиту:

1. Радикальный этикоцентризм русской мысли, ее моральный абсолютизм, проявленный на всех ее этапах, и практически во всех ее идеологически различных течениях, имеет общее основание. И благочестивая моральная проповедь древнерусских книжников и «потревоженный дух» таких различных мыслителей как Ф. М. Достоевский и К. Н. Леонтьев имеют общий эсхатологический исток, являющийся типологической чертой отечественной философской культуры.

2. Эсхатологическая этика в структуре дискурсов моральной философии представляет собой типологическую характеристику русской религиозной философии. Выделяются два направления русского эсхатологического мироощущения: катастрофическое и творческое. Первое, основанное на историческом пессимизме, связано с именем К. Н. Леонтьева; второе основано на идее преображения мира и человека и представляет собой магистральную линию русской религиозной мысли, которую представляют Ф. М. Достоевский, В. С. Соловьев, Н. А. Бердяев и т.д. Моральный

абсолютизм русской философии является метафизической проекцией эсхатологического мироощущения.

3. Духовной основой этических воззрений К. Н. Леонтьева явился нравственный идеал разочарования, составляющий сущность принципа византизма. Этот принцип включает в себя одновременное наличие пессимизма (линия Шопенгауэра) и трагизма (линия Ницше), которые соединившись в личности К. Н. Леонтьева, дали уникальный этико-философский синтез (эсхатологическая этика), ставший типологической чертой русской религиозной философии наряду с такими ее общепринятыми духовными характеристиками, как всеединство, соборность, софиология, имяславие. Взгляд Леонтьева на мир, человека и культуру – это взгляд как бы в увеличительное стекло, в котором гипертрофированными оказываются силы зла и смерти, гибели и катастрофы. Обостренное эсхатологическое чувство, с одной стороны, с другой, суровая мораль как «противоядие» силам гибели, зла и распада. В сущности, это и есть *византийский тип духовности*.

4. Глубоко религиозный византийский пессимизм, основанный на эсхатологическом ужасе, который исповедовал Леонтьев (*ad majorem Gloriam Dei*), значительно отличается от пессимизма Шопенгауэра, восходящего к брахманистскому, отстраненно-ироничному скепсису. Этический пессимизм Шопенгауэра все же имеет посюстороннюю основу, это в большей мере скепсис, основанный на психологическом анализе конечности человеческой жизни, в то время как у Леонтьева – это эсхатологический катастрофизм, основанный на духовном переживании греховного человеческого бытия. Этический идеал Шопенгауэра ограничивался посюсторонним горизонтом мещанских ценностей, в то время как византийский эсхатологический идеал Леонтьева разрывал с ним радикально. В этом главное отличие эсхатологической этики Леонтьева от этического пессимизма Шопенгауэра.

5. Византизм Леонтьева есть своего рода этико-культурная и этико-правовая проекция эсхатологического мироощущения. Эсхатологизм Леонтьева (и близкого по духу Гоголя) не выражается лишь в теоретическом и эстетическом мироощущении, но имеет практическое измерение. Как и Гоголь, который не поддается деструктивному воздействию зла и смерти, но предлагает свою позитивную жизнеустроительную программу, так и Леонтьев в идее византизма так же дает свой идеал политико-правовой организации жизни, который становится наиболее ярким воплощением *русского консерватизма*. Двуединство философии и богословия наиболее сильно проявлено у К. Н. Леонтьева в византийском идеале разочарования земным, поскольку эсхатологический вектор, направленный на полный разрыв и преодоление всего мирского, уравнивается культуротворческим потенциалом государственно-политической проекции «византизма».

6. Реконструкция этических воззрений К. Н. Леонтьева позволяет в полной мере говорить о нем как о философе, а не как об оригинально и интересном политическом мыслителе. Наличие фигуры К. Н. Леонтьева в

пантеоне русской философской мысли добавляет к ней не только эстетическую привлекательность, культурологическую оригинальность и политическую трезвость, но придает ей определенную мировоззренческую устойчивость, создаваемую «эсхатологическим инвариантом», проявленным в философии К. Н. Леонтьева в максимальной степени.

Апробация работы. Основные положения диссертации нашли отражение в публикациях автора и его докладах на научных конференциях: Иоанновские научные чтения «Язык христианской традиции и современная культура» (Москва, 23-25 мая 2017 г.) «Этическое своеобразие правовой концепции К.Н. Леонтьева; Международные Образовательные Рождественские Чтения (Москва, 25-27 января 2017 г.) «Проблематика взаимосвязи права и морали в трудах русских религиозных философов права конца XIX нач. XX веков»; Иоанновские научные чтения «Слово, образ, понимание. Теория и практика работы с источниками» (Москва 23-25 мая 2016 г.) «Религиозно-философский аспект происхождения и взаимодействия норм нравственности и права».

Основное содержание диссертации нашло отражение в 10 работах, в том числе в 3 статьях, опубликованных в журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ.

Структура работы определяется целью, задачами, а также спецификой этического дискурса. Диссертация состоит из введения, двух глав, включающих в себя шесть параграфов, заключения и списка литературы. Общий объем работы 161 страница, количество источников 183.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во Введении обуславливается актуальность темы диссертации, определяется объект, предмет, цель и задачи работы, раскрываются ее научная новизна, теоретическая и практическая значимость, указаны основные методы исследования, формулируются положения, выносимые на защиту, представлены формы апробации исследования.

В первой главе «*Истоки этических взглядов К. Н. Леонтьева*» выявляется духовный контекст нравственных исканий мыслителя, которые свидетельствуют о глубине и своеобразии его философии.

Первый параграф «*Эсхатологическая этика как феномен отечественной философской культуры*» рассматривается та линии русской философии, в которой, по словам В. Розанова, проявился ее «потревоженный дух». Это инобытие православного духа, его дополнение и необходимый элемент ключевой дихотомии мира и Бога, который свойственен таким фигурам как Н. В. Гоголь, Н. К. Леонтьев, В. С. Соловьев, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, Н. А. Бердяев, Л. Шестов, А. Белый, Л. Андреев, А. Платонов и многим другим. И этот «потревоженный дух» в не меньшей

степени выражает самобытность отечественной ментальности, чем дух евангельского благочестия.

Стремление к высшему и окончательному, на фоне глубокого разочарования в наличном, конечном и несовершенном бытии, вообще отличительная черта отечественной нравственной философии, которая и является показателем «потревоженного духа». Особое переживание смерти и конечности характеризует данный тип мысли. Здесь и «супраморализм» Н. Ф. Федорова, и «этика соборного дела» В. С. Соловьева, и «экзистенциальная этика веры» Л. Шестова, и «эсхатологическая этика творчества» Н. А. Бердяева, и «богочеловеческая этика» С. Н. Булгакова, и «этика абсолютного добра» Н. О. Лосского, и «этика пола» В. В. Розанова, и «этический идеализм» М. В. Безобразовой, и «христианский реализм» С. Л. Франка, и «этика поступка» М. М. Бахтина, и «аристократическая этика» В. П. Фетисова и др.

В параграфе делается попытка найти то *метапонятие* для раскрытия своеобразия отечественной философской культуры и русского национального самосознания, которое в большей степени характеризует «потревоженный дух». Это *эсхатологическое мышление* и вообще *эсхатологическое мировосприятие*, о котором Н. А. Бердяев достаточно полно и емко высказался в «Русской идее»: «...мы, русские, апокалиптики или нигилисты»¹⁵. Нигилизм, помноженный на апокалиптику, и есть своеобразная «формула» русского эсхатологического мировосприятия, которое отразилась буквально на всех значимых идеях и построениях русской философии и культуры. Во многом эти понятия стали синонимичными, определяющими дух и стиль русской культуры в целом.

Здесь рассматривается отличия эсхатологического мировосприятия, свойственного «потревоженному духу» русской философии от эсхатологии в богословском смысле (Р. Бультман, Патрик де Лобье). Отмечается, что в контексте русской философии «эсхатологический вопрос» возникает в контексте постановки фундаментальных проблем бытия – *смысла жизни* и *смысла истории*. В этом контексте исследователь А. Г. Гачева разделила русскую эсхатологию на два типа: первый – *историософский негативизм* и суровый апокалиптизм в духе К. Н. Леонтьева, второй – *благая эсхатология*, ведущая не к катастрофе, а к преображению.

Таким образом, русское эсхатологическое мироощущение предстает в двух видах: *катастрофический эсхатологизм* и *творческий (или софийный) эсхатологизм*. Если первый, представленный, прежде всего, К. Н. Леонтьевым и Н. В. Гоголем, утверждает полное поражение человеческой истории, в которой нет никакого смысла, то второй, связанный с Ф. М. Достоевским, Н. А. Бердяевым и со всей линией русской религиозной философии, стоящей на позициях активного христианства, считает, что и

¹⁵ Бердяев Н.А. Русская идея // О России и русской философской культуре. М., 1990. С. 157.

жизнь, и история, несмотря на неизбежный конец, имеют смысл, и этот смысл как раз в преображении конечного и смертного бытия.

Далее в параграфе рассматривается концепт «эсхатологической этики», который принадлежит Н. А. Бердяеву. В его книге «О назначении человека. Опыт парадоксальной этики» третья глава называется «О последних вещах. Этика эсхатологическая». Это идейный исток данного типа этики, который в большей степени характерен для Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого (при всем их несходстве). В параграфе сопоставляются творческие и духовные миры Н. В. Гоголя и Л. Н. Толстого, сравнение которых с К. Н. Леонтьевым дает целостное представление об эсхатологической этике в ее различных вариантах.

Второй параграф «Своеобразие нравственных исканий К. Н. Леонтьева» состоит из трех частей. Первая часть: «К. Н. Леонтьев как моралист: *pro et contra*», вторая – «Феномен «эстетического аморализма» и третья – «Этический пессимизм».

Так, в части «К. Н. Леонтьев как моралист: *pro et contra*» рассматриваются различные (часто полярные) точки зрения на вопрос об этической составляющей философии К. Н. Леонтьева. В параграфе отмечается, что ситуация, связанная с оценкой взглядов философа такова, что исследователи (в том числе и классики русской философии), как правило, не достаточно глубоко вникали в суть его этических воззрений. Явная социально-политическая, культурологическая и религиозная канва его воззрений отодвигают на второй план собственно этические представления Леонтьева, которые, оказывается не просто вычленишь из его всего его наследия. Приводятся высказывания В. С. Соловьева, С. Н. Булгакова, С. Н. Трубецкого, Т. Масарика, подтверждающих эту позицию.

Наиболее сильное отрицание нравственной стороны в философии К. Н. Леонтьева принадлежит прот. Г. Флоровскому, который в «Путиях русского богословия» написал: «У него [Леонтьева] точно не было врожденного морального инстинкта, его как то не тревожил никогда категорический императив «нравственного закона»»¹⁶. По сути дела, Флоровский выносит приговор моральному сознанию Леонтьева, вообще отрицая его наличие.

Противоположная точка зрения принадлежит В. В. Зеньковскому, посвятивший разбору этических воззрений К. Н. Леонтьева достаточно большое место в своей «Истории русской философии». Кульминацией анализа этических взглядов Леонтьева являются следующие слова В. В. Зеньковского: «...моральные идеи Леонтьева пронизаны сознанием *испорченности* современного человека современного человека и современной культуры (с ее поэзией изящной безнравственности)». Леонтьев гораздо более моралист, чем эстетизирующий мыслитель (как его изображают), но его мораль, суровая, окрашенная сознанием трагичности

¹⁶ Флоровский Г. Там же, с. 304.

жизни, вытекала из его религиозного восприятия современности»¹⁷. По сути дела, В. В. Зеньковский реабилитирует Константина Леонтьева как этика, показывая, что его нравственные воззрения занимали не периферийное место, но были вписаны достаточно глубоко в мировоззренческий фундамент его личности. Это раскрывает перспективу исследования именно этических взглядов Леонтьева, определения своеобразия его нравственного учения в контексте русской философии.

В этом контексте рассматриваются такие нравственные идеи К. Н. Леонтьева как любовь, страдание, трагическое ощущение жизни, критика гедонистической морали и др. Показана этическая близость К. Н. Леонтьева и Ф. М. Достоевского, особенно в вопросе о смысле страдания.

Второй раздел «Феномен «эстетического аморализма»» посвящен разбору наиболее внеэтической позиции К. Н. Леонтьева – его эстетизму, который часто трактуется в терминах «эстетического аморализма». Приводятся различные точки зрения на природу «эстетизма» К. Н. Леонтьева (С. Л. Франк, С. А. Левицкий, Б. В. Яковенко, Т. Масарик, К. М. Долгов, А. А. Корольков, С. В. Хатунцев, А. В. Репников и др.)

Эстетизм Леонтьева – это не самосуицидальный эстетизм, потому что, как пишет исследователь творчества К. Н. Леонтьева А. А. Корольков: «Последовательный эстетизм никак не вяжется с устремленностью к монашеству, равно как и с патриотизмом, ибо эстетизм не предполагает нравственного долженствования, в том числе гражданского и духовного подвига»¹⁸. Важные идеи насчет Эстетизма К. Н. Леонтьева высказал П. Перцов: «Леонтьев был совсем не западный эстет, а восточный мистик, искавший под псевдонимом «красоты» не столько собственную художественность, проявленную в человеческом творчестве, сколько пышное раскрытие и взаимную гармонию всех жизненных сил – и природы, и истории, и личности. Его «эстетизм» был какой-то космический: он стремился к «космосу» в древнем значении этого слова – к какому-то общему «ладу» вселенной. И в этом глубоко сказалась в нем подлинная русская стихия, – и с этим его устремлением – не в поверхностном раздоре, а в глубоком тоже «ладу» находились религиозные запросы его души.

Поэтому и мог он, начав жизненно «эстетикой», кончить втайне надетым большим крестом»¹⁹.

В параграфе анализируются тексты К. Н. Леонтьева («Два графа: Алексей Вронский и Лев Толстой», письма И. Фуделю и В. В. Розанову), а также его художественные произведения, в которых выражается его эстетические взгляды. Показывается, что сам эстетизм Леонтьева – это не самодовлеющий феномен, но особая творческая манера, присущая русским

¹⁷ Зеньковский В.В. Там же. С. 260.

¹⁸ Корольков А.А. Пророчества Константина Леонтьева. С. 300.

¹⁹ Фетисенко О.Л. Петр Перцов и его приношение Константину Леонтьеву // Христианское чтение. 2016. № 1. С. 58.

писателям, заключающаяся в том, что кроме трагедии и тоски в эстетическом описании присутствует *тайна*.

Делается вывод, что «чистый» аморализм», так же, как и «чистый» эстетизм не свойствен воззрениям К. Н. Леонтьева, у которого можно обнаружить сложноструктурированную иерархическую систему духовных ценностей, в которой моральное начало занимает определяющее значение. Все дело в неоднозначности существующей этической терминологии, которая во многом затрудняет адекватное восприятие подлинных взглядов Леонтьева. Когда Леонтьев критикует мораль, то он критикует мораль в том смысле, который был распространен в его эпоху. Это мораль как феномен буржуазной культуры, против которой выступал не только Леонтьев, но и многие другие яркие мыслителя, такие как А. И. Герцен, Ф. Ницше, Н. Федоров.

В этом смысле Леонтьев должен восприниматься не как эстетствующий и циничный моралист-одиночка, но как выдающийся критик буржуазной морали, наряду с другими *видными мыслителями этого лагеря*. Это не аморализм, но критический морализм.

Третий раздел «*Этический пессимизм*» посвящен выявлению несходства этических воззрений К. Н. Леонтьева с существующей этической теорией, которую называют «этическим пессимизмом».

«Пессимизм», как и «эстетический аморализм» – очень распространенные воззрения на природу философского творчества К. Н. Леонтьева. Рассматриваются точки зрения Г. Флоровского, С. А. Левицкого, Б. В. Яковенко, А. В. Сивака и др. Анализируются художественные тексты философа (роман «Подлипки», «Исповедь мужа»), которые дают основания для того, чтобы считать Леонтьева пессимистом.

В параграфе обосновывается мысль о неточности называния взглядов К. Н. Леонтьева пессимистическими, по крайней мере, в том классическом смысле пессимизма, который закрепился за философией А. Шопенгауэра и Э. Гартмана. Для этого рассматривается критический анализ А. Швейцера взглядов Шопенгауэра, и на этом фоне выявляется их идейное несходство со взглядами К. Н. Леонтьева.

Делается вывод о том, что особенность мировоззрения К. Н. Леонтьева заключается в том, что он включает в себя одновременно и *пессимистическую философию Шопенгауэра* и *трагическую философию Ницше*. Но, и на это стоит обратить особое внимание, что это *русский пессимизм* и *русский трагизм*. Одновременно черты трагизма и пессимизма, составляющие духовную субстанцию леонтьевского византизма, можно обнаружить во многих произведениях философа. И метафизический смысл леонтьевского византизма как раз-таки и заключается в этом синтезе трагизма и пессимизма, немыслимого для западного философа Ницше.

Очевидно, что тот глубоко религиозный византийский пессимизм, основанный на эсхатологическом ужасе, который исповедовал Леонтьев – *ad majorem Gloriam Dei*, не имеет ничего общего с пессимизмом Шопенгауэра,

восходящим к брахманистскому, отстраненно-ироничному скепсису. Пессимизм Шопенгауэра, этого «бедного европейского скептика», по словам А. Швейцера, все же имеет земную посюстороннюю основу, это в большей мере скепсис, основанный на психологическом анализе конечности человеческой жизни, в то время как у К. Н. Леонтьева – это эсхатологический катастрофизм, основанный на духовном переживании греховного человеческого бытия. Иными словами, эсхатологизм К. Н. Леонтьева значительным образом отличится от брахманистского, (и в своей основе западного мещанского) пессимизма Шопенгауэра.

Также значительно отличие эсхатологической этики Н. Н. Леонтьева от пессимистической философии Гартмана, поскольку у последнего, при всем недоверии к прогрессу, явно отсутствует тот эсхатологический смысл религиозного, который является определяющим для Леонтьева.

Это говорит о том, что этические взгляды К. Н. Леонтьева вполне самостоятельны и независимы от построений западноевропейской философии, особенно в области пессимизма.

Вторая глава «*Особенности эсхатологической этики К. Н. Леонтьева*» посвящена выявлению нравственного своеобразия взглядов Леонтьева, которые делают его принадлежащим к этикоцентричной традиции русской философии.

В первом параграфе «*Преодоление этического или «трансцендентный эгоизм»*» речь идет о выявлении суперценности в философских воззрениях К. Н. Леонтьева, на фоне которой он подвергает радикальной критике существующие формы морали. Это напоминает позицию С. Кьеркегора, на сходства с которым К. Н. Леонтьева указывают некоторые авторы.

При этом показывается, что *презрение к чистой этике* и сам акт *преодоления этического* у Леонтьева носит характер нравственного делания. Это парадоксальным образом, *нравственное преодоление этического*. Суперценностью для Леонтьева является *эсхатологический предел*, в свете которого земные относительные ценности (в том числе и мораль светского общества, по своей сути либеральная и гуманистическая) теряет всякое значение. Главное для К. Н. Леонтьева – *не утверждение положительных религиозных ценностей* (как для большинства религиозных мыслителей), сколько *отрицание относительных конечных мирских ценностей*, составляющих содержание гуманистической этики.

В параграфе раскрывается сущность эсхатологического мировосприятия К. Н. Леонтьева, которое является основой его этических воззрений. Приводятся взгляды разных авторов на природу леонтьевского эсхатологизма, среди которых и классические авторы (Ю. Иваск, С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев, С. Н. Трубецкого) и современные исследователи (В. Н. Назаров, Л. Н. Столович, Д. Е. Муза, А. Ф. Сивак, О. Б. Йонайтис и др.) В контексте этих воззрений рассматривается вопрос о *страхе*, который занимал особое место как в мирочувствии, так и в мировидении философа.

Нравственно-религиозные воззрения К. Н. Леонтьева называют «*этикой трансцендентного эгоизма*» (В. Н. Назаров). С точки зрения исследователя данный тип этико-религиозных представлений характеризуется как *мистическое оправдание христианства* («этика христианского спиритуализма»), в котором больше мистического, чем собственно этического. Нравственно то, что находит мистическое оправдание, а в мистическом плане наиболее сильным для К. Н. Леонтьева было ощущение смирения и «страха Божьего».

Существенной чертой эсхатологической этики К. Н. Леонтьева выступает феномен *преодоления этического*, который его сближает с С. Кьеркегором. Этическое не отрицается (моральный нигилизм), а преодолевается во имя высшей ценности, что также представляет собой этический акт, только другого, более высокого порядка. В этом смысле существующие оценки взглядов К. Н. Леонтьева в терминах «аморализма» не состоятельны. Нравственные искания философа обнаруживают противоречие, составляющее экзистенциальную драму мыслителя, который переживал на своей собственной жизни, (не в тексте, как многие кабинетные ученые), но непосредственно в живой жизни, у края пропасти, на смертном одре это *неустранимое противоречие между жаждой жизни и тщетностью жизни*. Это очень глубокий уровень той нравственной философии, которая отличает отечественную философскую культуру.

В параграфе рассмотрено различие между «этикой» и «нравственной философией», характерное для традиций русской философии (А. А. Гусейнов, Е. А. Овчинникова). Это позволяет более адекватно оценить сущность нравственной позиции К. Н. Леонтьева.

Важным является разделение К. Н. Леонтьевым морали на два типа: *мораль внутренней борьбы* и *мораль внешнего результата*. Это в определенной степени сближает его с делением морали на два вида, совершенное Ницше (мораль рабов и мораль господ). Второй тип морали у Леонтьева («мораль внешнего результата») есть основа утилитаризма и она представляет собой разрушительное явление, приводящее к упрощению и смешению. Критический пафос К. Н. Леонтьева направлен на борьбу именно с этой моралью, что и составляет основной смысл его «преодоление этического».

Определенная кульминация эсхатологической этики как преодоления этического можно найти в «безумных» афоризмах Леонтьева, в которых он в максимально концентрированном виде выразил сущность своего мировидения. В параграфе рассматривается этическая составляющая этих афоризмов.

Выделение двух типов морали, полагание эстетики выше этики, острая критика существующих ценностей светской культуры позволяют говорить о своеобразном *перевороте в морали*, наподобие «переоценки ценностей», произведенную Ницше. Значимость К. Н. Леонтьева как моралиста в этом контексте заключается в том, что он «проблематизировал мораль». В этом

смысле эсхатологическая этика Леонтьева с полным правом может быть названа «критикой морального сознания».

Второй параграф «*Византизм как нравственный идеал разочарования*» посвящен раскрытию тезиса о том, что существенным компонентом эсхатологической этики К. Н. Леонтьева является «византийский идеал» философа, который в большей мере выражает нравственное мироощущение философа, нежели его социально-политические построения, которые имеют в своей основе духовные принцип византизма. *Феномен византизма* в творческом наследии философа имеет два измерения: *политико-культурный идеал* и *духовно-психологическое мироощущение*. Они представляют собой единство, имеющие две разные сферы выражения. В этом контексте рассматриваются идеи С. С. Аверинцева по поводу византизма.

Нравственный идеал разочарования К. Н. Леонтьева, составляющий сущность принципа византизма, включает в себя одновременное наличие пессимизма (*линия Шопенгауэра*) и трагизма (*линия Ницше*), которые в философии К. Н. Леонтьева дали уникальный этико-философский синтез (этическая эсхатология). Эта черта является такой же типологически значимой для русской философии, как и всеединство, соборность, имяславие, софиология и т.д. В этом смысле идея *разочарования* далека от романтического (в своей сути эстетического) идеала разочарованности. Здесь речь идет о бытийной судьбе всего сущего, всего мироздания, пронизанного *злом и смертью*, и в этом смысле можно говорить о византизме Леонтьева как морально-онтологическом идеале.

Взгляд Леонтьева на мир, человека и культуру – это взгляд как бы в увеличительное стекло, в котором гипертрофированными оказываются силы зла и смерти, гибели и катастрофы. Обостренное эсхатологическое чувство, с одной стороны, с другой, суровая мораль как «противоядие» силам гибели, зла и распада. В сущности, это и есть *византийский тип духовности*.

Для понимания данного мироощущения, в основании которого гипертрофированный ужас смерти и на его фоне сниженное отношение к посястороннему плану бытия, в параграфе рассмотрен опыт «личной апокалиптики» автора, переживающего данное мироощущение. Речь идет о знаменитом «леонтьевском духовном переломе», то есть о кризисе, произошедшем с ним в 1871 году и приведшим к радикальному изменению сознания.

В контексте исследования ставится также вопрос о правомерности наделять «византийский нравственный идеал» склонностью «к разочарованию во всем земном, в счастье, в способности нашей к полному нравственному совершенствованию», то есть наделять его тем, чем наделял его Леонтьев. Для идет обращение к статье С. С. Аверинцева «Византийский культурный тип и православная духовность».

Также в параграфе рассматривается «религия страха» К. Н. Леонтьева, ставшая причиной неприятия его идей многими русскими философами. Показывается, что реконструкция идей страха в христианской традиции

(Библейские тексты, Климент Александрийский, Ефрем Сирий, архимандрит Софроний (Сахаров), В. В. Зеньковский) соответствует эсхатологическому духу многих построений К. Н. Леонтьева.

В этом контексте анализируется один из истоков *византийская апокалиптика*, обнаруживший близость к мирочувствию Леонтьева. Это легенда о «последнем императоре», в которой можно усмотреть определенную строгость к благим ожиданиям в конце. Суровый аскетизм, который проповедовал Леонтьев, соответствует суровому духу этой легенды, и не соответствует «эсхатологическому оптимизму» традиционного христианства, о котором говорит С. С. Аверинцев в своих работах.

В итоге, выделяются основные духовные элементы идеала «византизма» К. Н. Леонтьева,:

- ужас гибели и страх смерти;
- отрицание гуманизма;
- отрицание прогресса;
- антропологический скепсис;
- эсхатологизм;
- этический пессимизм.

В третьем параграфе «*Правовой идеал К. Н. Леонтьева в контексте эсхатологической этики*» проанализированы этические воззрения К. Н. Леонтьева, имеющие отношение к правовой сфере. Выявлено, что его этика главным образом складывается из трех начал: эсхатологизм; критика «абстрактного морализма»; пессимизм и разочарование в истории и жизни. Именно эти начала объясняют жесткость и суровость правовых идей мыслителя, которые являются основой философии русского консерватизма.

Образ Леонтьева как крайнего реакционера и ретрограда являлся крайне распространенным в среде видных представителей классической русской религиозной философии. Такие мыслители как В. С. Соловьев, С. Н. Трубецкой, Н. А. Бердяев, С. Л. Франк, С. Н. Булгаков дают отрицательную оценку политико-правовым взглядам Леонтьева, не усматривая в них полноценного нравственного начала.

Этих имен достаточно, чтобы уловить общую атмосферу негативного восприятия Леонтьева. Кроме этого, Леонтьев подверг острой критике религиозные взгляды Толстого и Достоевского, которые являются духовными кумирами многих русских религиозных философов. Именно в этом вопросе, пожалуй, наибольшее расхождение между Леонтьевым и магистральной нравственно-религиозной линией русской религиозной философии. Также в этой главе определена общая основа, которая характерна для русского национального самосознания, связанного с византийской традицией. В этом контексте раскрываются особенности *этического пессимизма* Леонтьева, который становится основой *философии русского консерватизма*.

Пронизанность эсхатологическим мироощущением накладывает свой отпечаток на своеобразие правовой идеи Леонтьева, которые вне этого контекста воспринимать нельзя. Деспотизм по отношению к общественным формам, вместо цивилизованных норм права, предполагает наличие страха Божьего и закона Божьего. Таков «эсхатологический минимум» права в построениях Леонтьева. Сущность «страха Господня» у К. Н. Леонтьева означает, согласно В. В. Зеньковскому, возврат к «морали мистической», что означало «решительный разрыв с системой секулярной культуры». В то же время в проекции на правовую сферу это не предполагало развития правосознания, основанного на моральных принципах. «Заповеди Божии – вот истинная конституция русского народа» (В. Ю. Катасонов).

Этические воззрения Леонтьева обладают целостностью, не лишенную противоречий. С одной стороны, это не отрицание морали как таковой (классический аморализм), но критика существующей конкретной буржуазной морали его времени. В этом смысле этические воззрения Леонтьева корректно охарактеризовать в терминах «критического морализма», который свойствен многим представителям той эпохи (Ф. Ницше, А. И. Герцен, Н. Ф. Федоров).

С другой стороны, эсхатологическая этика Леонтьева, основывающаяся на византийском идеале нравственного разочарования во всем земном, вообще отрицает какое бы то ни было позитивное жизнеустройство, что дает основание трактовать его взгляды в терминах нигилизма (или, «сатанинского христианства», по Н. А. Бердяеву). При этом, в чем существенное отличие эсхатологической этики К. Н. Леонтьева от этического пессимизма Гартмана и Шопенгауэра, это не тотальное отрицание смысла и ценности бытия, но отрицание либерально-прогрессистского их понимание.

Как раз наличие сурового мистико-аскетического идеала, отрицающего посясторонние ценности, не отрицает вечное бытие ценностей, которые возможны лишь в потусторонней проекции. В этом смысл того «трансцендентного эгоизма», который также часто получал неверную и одиозную трактовку в морально сниженных терминах.

Важным элементом этических воззрений К. Н. Леонтьева, позволяющим говорить о его взглядах в терминах полноценной моральной философии, является выделение двух типов морали – *морали внутренней борьбы* и *морали внешнего результата*. Кроме этого критическое неприятие моральных ценностей европейской цивилизации позволяют говорить о своеобразном *перевороте в морали*, как непереносимом условии дальнейших преобразований в политико-культурных областях. Можно сказать, что Леонтьев «проблематизировал мораль», то есть совершил то, что после него сделал Ницше под титулом «переоценки ценностей». Тем самым, эсхатологическая этика Леонтьева может быть названа «критикой морального сознания», которая противостоит с одной стороны моральному нигилизму революционных демократов, с другой – морализму Л. Н. Толстого.

В целом, эсхатологическая этика Леонтьева одержит в себе позитивную основу, которая позволяет заниматься обустройством наличного плана бытия. Поэтому не случайно всю свою жизнь философ так страстно интересовался политико-социальными вопросами. И как результат – значительный интерес к его политическим воззрениям в философии современного российского консерватизма.

В **заключении** диссертации подведены итоги работы, сформулированы обобщающие выводы, намечены дальнейшие пути исследования темы.

Основные положения диссертационного исследования отражены в ряде публикаций автора:

Статьи в рецензируемых научных изданиях, включенных в реестр ВАК МОиН РФ:

1. Журавлева А.В. Эсхатологическая этика как феномен отечественной философской культуры // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. №21 (218). – Выпуск 30, 2017. – С. 185-191. (0,3 п.л.)

2. Журавлева А.В. «Эстетический аморализм» К. Н. Леонтьева: pro et contra // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2017. №5. – С. 89-99

3. Журавлева А.В. Нравственный идеал разочарования К. Н. Леонтьева // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2017. № 1 (75). Ч. 1. – С. 136-142.

Статьи в других научных изданиях

4. Журавлева А.В. Гоголь и Леонтьев: особенности русского эсхатологического мировосприятия // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. – 2017. № 2(22). – С. 55-62.

5. Журавлева А.В. Этическое своеобразие правовой концепции К. Н. Леонтьева // Актуальные инновационные исследования: наука и практика. – 2016. – № 3. Режим доступа: http://actualresearch.ru/nn/2016_1/Article/philosophy

6. Журавлева А.В. Византизм как этико-эстетический и правовой идеал К. Н. Леонтьева // Иоанновские научные чтения «Язык христианской традиции и современная культура». МПИ св. Иоанна Богослова. – М.: Летний сад, 2017. – С. 94-102.

7. Журавлева А.В. «Этический пессимизм» К. Н. Леонтьева в контексте нравственных исканий русской философии // Философия и общество. – 2017. №3. – С. 127-135.

8. Журавлева А.В. Особенности эсхатологической этики Константина Леонтьева // Аспирант. – Ростов н/Д. – 2017. – № 9 – С. 93–97.

9. Журавлева А.В. Нравственный идеал разочарования К. Н. Леонтьева / Шуйская сессия студентов, аспирантов, педагогов, молодых ученых: материалы X Международной научной конференции (Шуя, 7-8 июня 2017 г.) /отв. ред. А.А. Червова.– Москва-Шуя: Изд-во Шуйского филиала ИвГУ, 2017. – С. 159-161.

10. Журавлева А.В. «Этический пессимизм» К. Н. Леонтьева как проявление эсхатологической этики / Шуйская сессия студентов, аспирантов, педагогов, молодых ученых: материалы X Международной научной конференции (Шуя, 7-8 июня 2017 г.) /отв. ред. А.А. Червова.– Москва-Шуя: Изд-во Шуйского филиала ИвГУ, 2017. – С. 185-186.

